

Е. В. Ходус

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРОБЛЕМА ПРИВАТНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Проанализированы изменения, происходящие в эпистемологических и онтологических основаниях современного социального теоретизирования. Обоснована идея о том, что в качестве новой «корневой метафоры», способной стать теоретической основой для понимания общих тенденций, характеризующих актуальное состояние социокультурной реальности, может быть концепт приватности.

Ключевые слова: социальная теория, эпистемологические повороты, общество, приватность, субъектность

Как обобщенная форма научной саморефлексии социумом самого себя социальная теория обладает важнейшим качеством – способностью создавать языки описания для текущих состояний исследуемого объекта – современного общества. В этой связи вполне контекстуальным кажется тот факт, что в ситуации активной социодинамики, стимулирующей быстрые смены параметров межличностного и социального взаимодействия, социальная теория пытается разрабатывать новые средства для описания сложившихся реалий, меняя при этом свои эпистемологические основания, переориентируя исследовательский фокус. Речь идет об изменении «корневых метафор», составляющих фундаментальную суть социальной теории как таковой, метафор, задающих самые общие ответы на ключевой вопрос социальной теории: «Что такое общество?».

В современной социальной гуманитаристике эта тематизация осуществляется усилиями целой серии эпистемологических поворотов – онтологического, коммуникативного, лингвистического, прагматического, визуального/медиального и т.д. Сама возможность таких поворотов есть не что, иное как «дисциплинарные» сигналы из разных областей познания, указывающие на то, что происходит не просто изменения в обществе, а трансформация структур человеческого бытия и его отображения. Возникновение новых общественных форм и практик требует, в свою очередь, новых интеллектуальных ориентаций и исследовательских программ, преобразующих привычные понятия социальной теории.

Соответственно цель настоящей статьи состоит в попытке обоснования идеи о том, что в качестве новой «корневой метафоры», способной стать основой для понимания общих тенденций, характеризующих актуальное состояние социокультурной реальности, может быть концепт приватности. Современные тенденции, действительно, свидетельствуют о том, что в ряду ключевых слов нашего времени «приватность» упорно конкурирует с «коллективностью» в том смысле, что происходит увеличение удельного веса и значимости частной жизни в самых разных ее проявлениях и формах – дом, еда, любовь, дружба, интимность, идентичность, телесность, здоровье. Таким образом, частная жизнь, приватность, повседневность, долгое время будучи периферийными сюжетами в работах теоретиков, вдруг попали в круг их научных интересов. Другими словами в поле внимания исследователей оказались прежде всего те сферы, которые составляют «мир маленького человека», оторванного от событийности «неординарных» (в отличие от обыденных, повседневных, привычных) областей жизни, от понимания функционирования социальных институтов, влияние которых в зоне непосредственного существования человека кажутся ему либо ничтожными, либо фатальными.

Причины такой эпистемологической переориентации исследовательского фокуса на, казалось бы, абсолютно «ненаучные» темы имеет смысл рассмотреть в более широком социально-теоретическом контексте.

Анализ сложившихся на сегодняшний день в социальной гуманитаристике

метрологических и теоретических стратегий не позволяет не согласиться с мнением А. Гофмана о том, что если еще тридцать лет назад, не говоря уже о более ранних временах, идея социальной теории без понятия общества казалась немислимой – в социальной онтологии преобладал социальный реализм, а в социальной эпистемологии номотетическая и холистическая точки зрения, то сегодня напротив, само понятие общества подвергается сомнению и критике [1, с. 18]. Более того, общество перестает быть центральным понятием социальной теории, теряя при этом свою концептуальную целостность и семантическую ясность.

При этом сокращается круг теорий, которые были бы оптимистичны в отношении самой идеи общества. Тема «распада общества», «инерции социального» стала ведущей: новейшие теории демонстрируют свой отказ не только от классических идей, но и от способа видения общества, которое понималось как структурированная социальная система с прочно связанными друг с другом элементами. По мнению Ф. Тенбрука, односторонняя ориентация на «системность» в социальной теории привела к тому, что последняя «оказалась не в состоянии объяснить те точки разрывов, где в общество, потрясая и преобразовывая его, вторгаются совсем иные реальности» [2, с. 409]. Категория «общество», доказывает он, – это исторически сложившийся конструкт, содержание которого связано с абстрагированием из всей многомерности социального мира одного – структурного аспекта. Эта методологическая операция оказалась определяющей в ходе становления классической (позитивистски ориентированной) парадигмы, превратив понятие общества в некий универсально-метафизический постулат. «Вследствие последовательной радикализации процесса абстрагирования возникла тенденция превращения конструкта социологической работы – «общества» - в подлинную и единственную действительность. То, что начиналось как открытие новой точки зрения на действительность, завершилось абсолютизацией этого момента. «Социальное» стало ядром реальности, конструкт заменил действительность; все другие сферы реальности оказались затемненными, превратились в эпифеномены – осталось лишь «общество» – и споры, как его определять. Социология замкнула себя и нас вместе с ней в тюрьме мира как общества» [там же, с. 406].

Однако сегодня понятие общества в языке социальной науки имеет несравненно меньший вес. Смысловое восприятие процессов индивидуализации, эгоцентрической эмансипации, когда все большее число индивидуальных карьер не синхронизируется с прежними принципами социальной организации, дифференциации, плюрализации, сделало устаревшим концепт целостности общества как надежного «социального единения». Его заменяют теперь категории «сеть» (Б. Латур), «первичная социальность» (Кайе), «практики социальных акторов» (Э. Гидденс, П. Бурдьё).

Не случайны в этой связи и наблюдаемые в настоящее время изменения в теоретическом ландшафте социального теоретизирования: фокус научного интереса смещается с относительно устойчивых структур и институтов в сторону микросоциальных явлений и процессов. Достаточно вспомнить популярные ныне темы будней (повседневности), телесности, эмоций и пр., ставшие предметом научных изысканий. Нельзя не согласиться с тем, что в новейшей социологии растет внимание к четырем «И»: индивидуализации, идентичности, идентификации, интимности [3]. Доминантными ценностными ориентациями сегодня (на фоне усиливающейся ценностной аномии и эмоциональной неустойчивости основной массы населения, и украинцы здесь не исключение) выступают стремление к безопасности, забота об окружающей среде и здоровье, возврат к «гемайншафту», приватности.

Подобное изменение контекстов исследования означает разрыв с кардинальной темой «большой/классической социологии» - исследованиями общества с точки зрения «идеологии центра» (системной интеграции), построенной на идее соответствия между институционализацией ценностей, предлагающих универсальные принципы и схемы действия, и социализацией субъектов. Теоретики

классической (позитивистски ориентированной) социологии обосновывали свой проект определения социальной реальности, опираясь на три ключевые тезиса:

- принцип слияния определенного типа общества и «смысла истории» в характеристике современного общества (отсюда и «просвещенческий» пафос самой классической социологии, приравнявшей себя к проекту современности/модерна) [4];

- принцип отождествления социальной системы с национально-государственным устройством, обществом в рамках государства, в силу чего приобретают центральное, ключевое значение понятия социального института, институциональной регуляции и связанные с ними процессы социальной дифференциации, выделения автономных сфер социальной жизни и неравномерность их развития;

- принцип замены действующих лиц – субъектов данного общества – статистическими ансамблями, системами относительно равновесного взаимодействия общественных образований, обуславливаемых воздействием формальных институтов дисциплинарной социализации (следствием такой «абстрактности» и «обезжизненности» общества стало «исчезновение субъекта», который «есть свобода»; напротив, субъектом общества как структурно-функциональной конструкции становится «сверхсоциализированный» индивид, для которого при успешной социализации индивидуальность не играет в социальном процессе значимой роли. Появление такого субъекта – следствие логики рационализации, определяющей суть современной культуры. Именно рационализация превращает общество, включая и субъекта, в «объекты тотального администрирования». Речь идет о развитии системы общественных институтов, расширении и дифференциации сфер их компетенции, унификации индивидов в отношении институтов, репрессивных практиках, выстроенных на логике контроля (все это – суть тенденции, интенсивно проявляющиеся в модерне). Такое принудительное регулирование жизненного мира субъекта принимает форму колонизации (в терминологии Ю. Хабермаса), которая бюрократизирует социальные отношения и сводит индивидов к инструментально ориентированным особям [5].

Между тем эти основания классической социальной теории на Западе оказались серьезно поколебленными. Начиная с середины 60-х гг. XX в. в рамках быстро расширяющегося спектра «радикальных», «гуманистических», «рефлексивных» и т. п. течений происходит активная интеллектуальная и теоретико-методологическая полемика с представителями классического теоретизирования. Идеологическим фоном такой полемики послужили выступления новых левых и их критика общественной реальности «позднего капитализма», студенческие волнения конца 60-х гг. XX в. в США и Западной Европе, распространившиеся в литературно-философской публицистике и общественном сознании этого времени чувства утраты целостности, определенности и социальной стабильности, непрерывности «социального прогресса». Этот период стал временем известной реакции на слишком бодрый оптимизм модерна, связанный с резким расширением сферы применения социальной технологии, внедрением научных методов и стратегий планирования. Соответственно монолог модернистского теоретизирования, претендовавший на создание целостной картины общества, сменился множеством теоретических и эпистемологических утверждений, общий пафос которых сводился к одному – современная социальная реальность принципиально хаотична, само существование «социального» проблематично, соответственно «общество» – термин, придуманный для того, чтобы оправдать действия, которые делают людей более управляемыми, подлежит реинтерпретации. Поэтому вслед за радикально меняющейся реальностью должна радикально измениться и социальная теория.

На волне таких изменений начинает складываться другая линия социального теоретизирования, поставившая в центр исследовательского интереса не столько институциональные системы (они то как раз и интерпретируются как нечто чуждое,

непостижимое, отделенное от индивида), сколько «простого человека с улицы» с имеющимся у него «обыденным» запасом знаний. Как пишет А. Турен, «общество перестает быть продуктом экономической организации... На смену установке на покорение природы приходит установка на самоконструирование». Тем самым Турен подчеркивает значимость процесса субъективирования как способности индивида быть признанным в качестве актора, имеющего собственную волю и свободу действовать. Сущность новой, постклассической теории, по мнению А. Турена, не может более трактоваться как попытка сочетания инструментальной рациональности с моральным индивидуализмом. Прежняя симметрия исчезает, а внимание исследователей переключается на исследование индивидуальных и коллективных субъектов, которые стремятся при помощи коллективного действия, государственной политики или в институциональных механизмов обеспечить свои (курсив мой) потребности [7, с. 7].

Другими словами, исследовательская направленность сегодня смещена на предметные обстоятельства совместной жизни людей, которые осознаются ими как собственная, частная сфера (дом, семья, ближайшее окружение), сфера сугубо будничных, частных событий. Эта аксиоматика личного интереса отчетливо проявляется в такой тенденции, как «социальная приватизация». Мы согласимся с точкой зрения российского социолога В. Козырькова, определившего сущность такой, по сути, постсоциальной тенденции следующим образом: частная реальность (приватность), вызвав социально-приватизационный процесс всей культуры, превратилась в свою противоположность, став формой общественного бытия и новым способом развития свободной индивидуальности [7, с. 140]. Х. Аренд, обратившая в свое время внимание на опасность катастрофического сужения принципов солидарности, определила приватизацию как состояние, в котором «никто уже не может видеть и слышать другого или быть увиденным и услышанным» [8, с. 76]. Такое значение понятия приватизации весьма близко констатирует с понятиями «социального угасания» (Р. Сеннета), «инерции социального в эпоху расслабленности» (Ж.-Ф. Лиотара), «конца социального» (Ж. Бодрийяра), «персонализации» (Ж. Липовецки).

В целом, существующее многообразие способов схватывания реконфигурации идеи сообщества – концептуальных, образных, технологических – побуждает нас говорить об отказе видеть в сообществе какую-либо социальную сущность или коллективистский проект с акцентом на «общее дело», и заставляет переводить разговор о нем в область онтологии «совместности». Речь идет о кризисе буквально всех форм социальности/коллективности/солидарности современного типа, расширение и структурирование которых происходило на протяжении XIX и в начале XX в. Иначе говоря, меняется природа самой публичной сферы как сферы социальности. Если в условиях современной культуры продвижение «публичного» происходило все больше в сторону сокращения приватного пространства, то сегодня движение границы социального, наоборот, маркируется доминированием дискурса приватности, формирующего новый нормативный режим, при котором происходит деконструкция социальности как способности принять роль другого в качестве необходимого условия социальной связи и функционирования общества. Как замечает К. Лаваль, «новый нормативный режим характеризуется как раз тем местом, которое в нем занимает личный интерес в представлении о самом себе и в оправдании отношений с другими людьми. В этом смысле он является поворотным моментом истории социальных связей и индивидуального «я» [9, с. 355-356].

В свою очередь, утрата коллективного смысла жизни компенсируется сегодня представлениями об удобной жизни для себя, что проявляется в постоянном упоре на «личное желание» и «свободный выбор», предоставленные обществом потребления. В такой ситуации область поисков субъективных смыслов жизни сводится к потреблению, социальным отношениям, таким как родство, дружба, интимность и т.д. Главное, что субъектом и объектом этих поисков становится отдельный индивид, который теперь возвышается до собственного

смыслотворческого центра и смысла жизненного планирования. Каждый становится своей собственной формой обслуживания с двойной задачей – обеспечения быта и планирования жизни. В сознании такого «приватного» человека успешно приживается представление о его необусловленности, о том, что все – включая здоровье, безопасность, успешность – зависит только от него одного. Собственное «Я» становится объектом инвестиций и интенсивной работы.

Можно предположить, что социальным эффектом процесса приватизации является не только стремление индивида создать персонально-приватное пространство, но и утрата им способности к пониманию другого. Единение, скрепляемое чувством «мы», слабеет, вытесняется чувством «они»/«чужие», хотя и связанные кругом общения, но неравноценные по значимости. В итоге разрыв групповых связей и отчуждение индивидов, не поддерживающих продолжительных отношений с другими, превращаются сегодня в один из основных моментов формирования опыта самости. На самом деле такое субъективирующееся «Я», спасающееся «бегством» от «большого мира» труда, общественной жизни, политики в узком приватизированном мире интимных эмоциональных переживаний – своеобразной «асоциальной социальности», – испытывает острый дефицит традиционных социальных связей.

Следует отметить, что отечественная теоретическая реакция на феномен приватности также бедна концептуализацией, но по другой причине. В советской социологии, социальной теории, истории данная проблематика считалась не вполне уместной, учитывая общий пафос официальной советской речи, где благополучие личной жизни в режиме близости затмевается светом высшего общего блага, обладающего безусловной легитимностью. В таком контексте понимание приватности имело свои особенности. Прежде всего, в условиях советского общества достаточно сложно говорить о полноценной приватной сфере (в принятом смысле), учитывая тотальный надзор государства за всеми проявлениями жизнедеятельности граждан; любая сторона жизни человека могла стать темой обсуждения «общественности» с последующим применением санкций. Сложно было и с физическим оформлением приватной жизни в условиях коммунального быта с его обычными практиками подслушивания, подсматривания, доносов. Опыт коммунального социализма дает массу примеров символических форм приватности, когда сама идея приватного подчас была лишена пространства: перегородки, которые ничего не загораживают, индивидуальные предметы мебели в «местах общего пользования», индивидуальный звонок в коммуналке, возвещающий, однако, всем соседям «к кому пришли». То есть в условиях советской культуры не оставалось места приватному, оно подчинено коммунальным ценностям. Однако, как отмечает Е. Мещеркина, это вовсе не означало, что частного нет, имела место конструкция «частного без приватности», эдакая жизнь на людях или «публичная приватность» [10]. Требования усредненности, стратегия не выделения личности не предполагали индивидуализации в значении права быть собой, воспринимать свои действия как часть собственной жизни, напротив – «не высовывайся, будь как все». Указанные обстоятельства оставляли маргинальной проблематику приватности в отечественной науке вплоть до начала 90-х гг. XX в. Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что возрастание научного интереса (в том числе и в среде отечественной социальной теории) к роли «малой социальности» в развитии общества в настоящее время вызвано не столько ростом реального значения и влияния сферы частной жизни, сколько общей реконfigurацией сферы публичного/ приватного в целом. При этом легитимация приватной сферы в Украине не привела к изменению ее эстетики. Современные реалии демонстрируют очевидное отсутствие в современном социокультурном пространстве нашего общества подлинного уважения к приватности как ценности, основанного на морали индивидуализма и доверии к закону.

Таким образом, под влиянием новой ценностной установки на автономность индивидуального существования меняется, в свою очередь, предметная сфера и концептуальная структура современной социальной теории, что, собственно,

и передает актуальность и объемность концептуализации феномена приватности как новой «корневой» метафоры, позволяющей говорить о существовании нового опыта теоретического осмысления онтологии «совместности».

Библиографические ссылки

1. Гофман А. Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности [Текст] / А. Б. Гофман // Социол. исслед. – 2005. – № 3. – С. 18–25.
2. Tenbruck F. Die unbewaltigten Sozialwissenschaftler oder die Abschaffung des Menschen / F.Tenbruck. – Graz etc., 1984.
3. Мальковская И. А. Метаморфозы субъектности в современном мире / И.А. Мальковская [Текст] // Социол. исслед. – 2008. – №5. – С. 16–25.
4. Ходус Е.В. «Субъекту быть!»: модусы вариативности современной субъектности [Текст] / Е.В. Ходус // Наукові студії Львівського соціологічного форуму «Багатовимірні простори сучасних соціальних змін»: зб. наук. пр. – Л.: Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2008. – С. 112–116.
5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Практика, 2010. – 264 с.
6. Турен А. Социология после социологии [Текст] / А. Турен // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. лит. – Сер.11, Социология: РЖ/РАН. – М., 2008. – № 3. – С. 5–11.
7. Козырьков В.П. Регулятивные аспекты частной жизни: обоснование программы спецкурса [Текст] / В.П. Козырьков // Вестник ННГУ. – Вип.1(5). – 2004. – С. 138–148.
8. Аренд Х. Via active, или О деятельной жизни [Текст] / Х.Аренд. – СПб.: Алетейя, 2000. – 444 с.
9. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / К. Лаваль. – М.: Новое литературное обозрение. 2010. – 432 с.
10. Мешеркина Е.Ю. Частная жизнь как предмет социологического анализа [Электронный ресурс] / Е. Ю. Мешеркина. – Режим доступа: http://demoskopie.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_018.html; – Загл. с экрана

Ходус Е. В. Проблема приватности: концептуальні траєкторії у сучасній соціальній теорії.

Проаналізовано зміни, що відбуваються в епістемологічних та онтологічних основах сучасного соціального теоретизування. Обґрунтовано ідею про те, що новою «кореневою метафорою», здатну стати теоретичною підставою для розуміння загальних тенденцій, що характеризують актуальний стан соціокультурної реальності, може бути концепт приватності.

Ключові слова: соціальна теорія, епістемологічні повороти, суспільство, приватність, суб'єктність

Khodus H. The problem of privacy: conceptual trajectory of modern social theory.

In this article author analyzes the changes in the epistemological and ontological foundations of modern social theorizing. In this regard, looks quite contextual that fact that in the situation of active sociodynamics, which enable rapid changes of parameters interpersonal and social interaction, that's why social theory tries to develop new tools for the description of the existing realities, changing, thus, their epistemological foundations, reorienting research focus

Substantiates the idea that as a new «root metaphor», capable of becoming a theoretical basis for understanding the general trends of the current status social and cultural reality can be a concept of privacy.

Current trends do indicate that in a number of key words of our time «privacy» hard competing with the «collective» in the sense that there is an increase of specific gravity and importance of privacy in its various manifestations and forms - the house, the food, love, friendship, intimacy, identity, physicality, health. Thus, private life, privacy, daily, for a long time, being a peripheral subjects in the works of theorists, suddenly caught in the circle of scientific interests. In other words, the attention of researchers in the field were primarily those areas that make up the «peace little man», detached from eventness «extraordinary» («as opposed to the mundane, everyday, habitual») areas of life, from the understanding of the functioning of social institutions, whose influence in immediate area of human existence seems to him or insignificant, or fatal.

The reasons for such epistemological reorientation of research focus on seemingly is «unscientific» theme makes sense to consider the broader social context of theoretical whose characteristic line becomes social theorizing, placed at the center of research interest is not so much the institutional system, as «the common man on the street» with his existing «ordinary» store of knowledge. Thus, under the influence of new value setting on the autonomy of individual existence changes, in turn, subject matter of conceptual structure of modern social theory that, in fact, betrays the urgency and volume conceptualization of the phenomenon of privacy as a new «root» metaphor which suggests the existence of a new theoretical understanding of the experience of ontology «consistency».

Key words: social theory, epistemological turn, society, privacy, subjectivity

Надійшла до редколегії: 21.03.2014